

Леонид Николаевич Гобято

По рождению он не является нашим земляком. Он родился в далёком южном городе Таганроге. В Морозовы - Борки семья переехала только в 1887 году, когда Леониду было 12 лет. Но он полюбил эти места, часто приезжал сюда, здесь же был и похоронен. Так село Морозовы - Борки на Рязанщине стало ему родным. И поэтому сегодня мы с гордостью и любовью вспоминаем о нём.

Детство

Родина Леонида Гобято – славный южный город Таганрог, в котором большая семья небогатого государственного чиновника Николая Константиновича Гобято ничем особенным не выделялась. Женился Николай Гобято в Петербурге на Ольге Всеволодовне Сипягиной, дочери сурового генерала Всеволода Мартемьяновича Сипягина, участника Кавказской и Крымской войн. Молоденькая Ольга Гобято отправилась с мужем в Таганрог. Ей – 18 лет, ему – 25. Там у них родилось пятеро детей, в их числе в 1875 году сын Леонид. Лишних денег в семье не было, хотя адвокат Гобято имел много состоятельных, еще больше несостоятельных клиентов. Он был демократом (его отец был мелким чиновником), сыном своего времени, считал честную службу обществу своим гражданским долгом.

Город-порт Таганрог на мелеющем Азовском море постепенно хирел и пустел. Когда крестная мать Ольги Гобято Александра Николаевна Пущина, москвичка, имевшая имение в Рязанской губернии, решила помочь любимой крестнице, это оказалось очень кстати. Она оставила эту весьма запущенную собственность в наследство семье Гобято.

Морозовы - Борки

Они перебрались в Морозовы - Борки, что в 12 верстах от Сапожка, в 1887 году. Хозяйство было запущено (хозяева, т.е. Пущины, не приезжали сюда ни разу). Николай Константинович получил место в Рязанском окружном суде и занялся хозяйством на живописной речке Паре. Им здесь понравилось. Господский дом в имении был одноэтажный, деревянный, на кирпичном основании. Дом стоял в густом липовом парке. Со стороны балкона, который выходил на реку, ярко зеленели молодые каштаны – семена редких для этих мест деревьев привезли из Таганрога. Лес с одной стороны спускался к Избному оврагу, а с другой – к большому и всегда сырому оврагу под названием Ендова с его Соловьиным родником. Красивые места!

Ко времени приезда Николая Константиновича Гобято Морозовы - Борки насчитывали более полутысячи дворов, в которых проживали около трех тысяч лиц обоего пола. В селе была церковь, богадельня, каменная школа, два кожевенных предприятия, двенадцать маслобоен (как сливочного, так и растительного масел) и шесть лавок. Помимо земледелия, жители занимались производством кирпичей и горшечных изделий.

Морозовы - Борки были центром волости – административно-территориальной единицы крестьянского самоуправления и мирового суда. Она состояла из нескольких сельских обществ, возглавлявшихся старостами. Как правило, староста одновременно был и управляющим помещичьего имения, если таковое находилось на территории общины.

Для оценки состояния дел в имении А. Н. Пущиной Николаю Константиновичу понадобилось много времени: два ветхих сарая и полуразвалившийся одноэтажный деревянный дом. Староста-управляющий все неурядицы сваливал на отсутствие барского глаза: мол, помещица в своём имении не появлялась ни разу, а без крепкой хозяйской руки дела в имении постепенно пришли в упадок... Стало совершенно ясно, что управляющего надо срочно менять, но поскольку он одновременно являлся и главой общины, сделать это мог только сельский сход, на подготовку и проведение которого у Гобято времени не было. Впрочем, нового старосту мог назначить волостной старшина, что тот по его просьбе и сделал. По рекомендации уездного начальства старостой-управляющим пущинского имения стал Пётр Варлеев (?). Выбор оказался весьма удачным. Уже на другой день он изложил план превращения его из убыточного в прибыльное молочно-товарное хозяйство. План был вполне реален. Лежащие за Парой заливные высокоурожайные луга могли в достатке снабжать животноводческую ферму полноценными дешёвыми кормами. Не откладывая дело в долгий ящик, быстро составили смету первоочередных расходов на организацию молочно-товарной фермы. Предусмотрели и капитальный ремонт усадьбы, благо нужные, притом дешёвые строительные материалы – лес, кирпич, песок и глина были, -- что называется, под боком. А уж умелыми мастерами на все руки Морозовы - Борки славились всегда и не зря.

Отчётность о ходе дел решили представлять дважды в год: весной – по завершении посевной и осенью – после уборки урожая. В хлопотах прошла неделя. Николай Константинович был доволен. У дышавшего на ладан имения наметилась неплохая перспектива, а его дебют в роли хозяина оказался вполне удачным. Может, и поэтому тоже и местоположение усадьбы, и её живописные окрестности пришлись ему по душе.

...Народная пословица недаром гласит: человек полагает, а Бог располагает. Спустя несколько лет наяву случилось именно то, о чём грезил Николай Константинович Гобято, стоя не берегу лесостепной рязанской речки Пары' и любясь её живописными окрестностями. В 1885 году Александра Николаевна Пушина официально подарила своё имение в селе Морозовы - Борки Сапожковского уезда Рязанской губернии любимой племяннице Ольге Всеволодовне Гобято (урождённой Сипягиной). После этого семейство Гобято решило перебраться на жительство из Таганрога в своё благоприобретённое имение. Около года ушло на оформление перевода Николая Константиновича из Таганрогского суда в Рязанский губернский суд. Наконец, осенью 1886 года семейство Гобято не без сожаления покинуло уютный приморский город и переехало в рязанский уездный город Сапожок, где поселилось в казённом доме судебных установлений. Посеревшие от времени и непогоды деревянные избы под соломенными крышами, утопавшие в непролазной осенней грязи улицы, редкие, сиротливо стоящие на них деревца с оголенными ветвями не впечатляли. Местные жители в домотканых одеждах, а многие и в лаптях, разительно отличались от пёстро одетых, внешне беспечных и шумливых южан. Словом, уездная столица семейство Гобято – бывших столичных жителей -- Ольгу Всеволодовну и Николая Константиновича, их детвору, выросшую в уютном, утопавшем в зелени городе на берегу тёплого моря, не очаровала. Поэтому было решено всячески ускориться с ремонтом барского дома в Морозовых - Борках и перебраться туда как можно быстрее, что и было сделано.

Между тем исполнилось двадцать лет деятельности Николая Константиновича Гобято на ниве правосудия. За усердную и добросовестную службу указом императора Александра III он был награждён орденом святого Станислава 3-й степени -- покрытый красной эмалью золотой крест, который носился на шее на красной с двумя белыми полосками по краям шёлковой ленте. Как выслуживший к этому времени, равный штабс-офицерскому чину

коллежского секретаря, Н. К. Гобято в 1886 году был причислен к дворянскому сословию, чем в значительной мере обеспечил неплохую будущность своих многочисленных чад.

Имение Гобято в Морозовых - Борках занимало около пятидесяти десятин сельхозугодий – пашни, лугов и леса. Естественным центром его была воистину живописная усадьба, удачно расположенная на стыке земной тверди и водной среды. Организующим началом ее являлся жилой одноэтажный деревянный дом с мезонином, построенный на высоком кирпичном цоколе, в котором размещалась кухня с подсобками, кладовые и различные чуланчики. Он стоял в густом липовом парке, источавшем неопишуемый аромат во время цветения деревьев. В этом ему мало в чём уступал росший перед фасадом дома фруктовый сад, благоухавший цветами весной, зрелыми плодами летом и осенью. Балкон дома выходил на реку, где был сооружён деревянный помост и устроены купальни. После весеннего ледохода здесь также швартовались лодки, использовавшиеся для хозяйственных нужд, рыбной ловли, речных походов молодёжи.

Кстати, Парá, хотя по нынешним временам это выглядит странновато, считалась судоходной рекой. *(Помните, в нашей «Книге 1» говорилось о том, что под нашими дворами, на спуске к речке, существуют и поныне 2 – 3 уступа береговой линии. – С.Ф.)*. Самыми крупными пристанями на ней были Борецкая (ныне Сараевского района) и Шиловская (при впадении Пары́ в Оку). Для передвижения тяжелых грузовых судов использовалось бурлачество. Известный сапожковский краевед И. А. Кузнецов пишет: «На Парé бурлачили не только мужчины, но и женщины, таская баржи от села Борец и до Шилова».

Оживление чуть было совсем не захиревшего бывшего помещичьего имения порадовало и местных крестьян. Многим нашлась постоянная или временная работа при его обустройстве, в поле, на скотном дворе.

Семья росла: у Ольги Всеволодовны и Николая Константиновича Гобято было девять детей. Все получили образование, девочки – тоже. Два сына связали свою жизнь с армией. Старший Николай стал морским офицером, Леонид поступил десятилетним в Московский кадетский корпус и сделал классическую военную карьеру – от кадетского корпуса до Академии Генерального штаба. Дети разлетелись из родного дома. Лишь одна из дочерей, Наталья -- смолянка, получив медицинское образование на Бестужевских курсах, вернулась, чтобы помогать родителям. Помогала она и местным крестьянам, лечила их в медицинской амбулатории, разъезжала по всей округе по вызовам, стала первой в Рязанской губернии женщиной – практикующим врачом.

Леонид: учёба

Десятилетним мальчуганом он надел военную форму, будучи зачислен в 1885 году в 1-й Московский кадетский корпус. Военно-учебные заведения такого типа предназначались для подготовки кандидатов в офицерские училища. Они давали хорошее общее образование и первоначальную военную подготовку, необходимую для будущей службы в армии. Особое внимание уделялось духовно-нравственному воспитанию кадет. Перед офицерами-воспитателями стояла задача «вселять в молодые сердца своих питомцев чувства преданности и любви к армии, которые составляют силу и славу её».

Юного Леонида, сызмальства приученного родителями к порядку и соблюдению правил хорошего тона, строгая воинская дисциплина не тяготила, а природная одарённость и трудолюбие обеспечивали ему прочное место среди первых отличников. Поэтому после окончания кадетского корпуса его направили в Михайловское артиллерийское училище – одно из самых престижных военных учебных заведений России. Из Московского кадетского корпуса Леонид Гобято вышел в 1893 году с блестящими успехами. Он поступил в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, без сомнения, лучшее в стране. Здесь получали серьезное образование и много спорили о роли артиллерии в новых войнах, которые должны были коренным образом отличаться от тех, в которых участвовала Российская империя в XIX веке. Учился юнкер Леонид Гобято отлично. Своим пытливым умом, истовым стремлением вникнуть в тонкости артиллерийского дела он заметно выделялся среда сверстников. Во время одной из церемоний в числе лучших воспитанников училища его представили начальнику гвардейского артиллерийского корпуса генерал-лейтенанту Канищеву. В Русской армии широко практиковался подобный вид поощрения воинов. Однако это официальное знакомство вскоре перешло в искреннюю дружбу юного юнкера Леонида Гобято с маститым военачальником. Он стал бывать у генерала дома, где общался с боевыми офицерами, что расширяло его кругозор как будущего артиллериста.

В августе 1896 года Леонид Гобято, окончив училище по первому разряду, был произведён в подпоручики и получил почётное направление в лейб-гвардии Первую артиллерийскую бригаду. После месячного отпуска, который он провёл у родителей в Морозовых - Борках, началась его офицерская служба. Занимая должность помощника заведующего бригадной учебной команды, подпоручик Гобято одновременно упорно готовился к поступлению в Михайловскую артиллерийскую академию. И, как только истёк положенный для этого трёхгодичный срок строевой службы, получив превосходную аттестацию командования и блестяще выдержав приёмные экзамены, он был зачислен в число её штатных слушателей. Курсанты изучали теорию вероятности и ее применение к артиллерийской стрельбе, баллистику, теорию и проектирование артиллерийских орудий, сталелитейное и чугунолитейное дело, пороховое дело и взрывчатые вещества, атаку и оборону крепостей, стратегию и тактику артиллерии. Немногое свободное от занятий время Леонид посвящал своему любимому увлечению – военному моделированию. С дотошным знанием дела и скрупулёзностью он изготавливал предметы вооружения – от холодного и стрелкового оружия до артиллерийских установок. Свою комнату в общежитии академии, заставленную ими, он шуточно называл маленьким арсеналом. Его своеобразным филиалом являлся отчий дом в Морозовых - Борках, куда он отсылал накопившиеся «излишки». Сельская учительница Е. Ф. Петрова-Матиаш (*Матьяш?*) рассказывала: «Комната Леонида Николаевича выделялась. Она была оклеена светлыми обоями, и на одной стене были картины, изображавшие одежду воинов, начиная с древних времён, на остальных стенах – разные виды оружия. И всё это он делал сам, без помощи других. На столах -- модели оружия, на полках, этажерках -- книги. Много книг». Несомненно, это увлечение сыграло свою роль в будущей конструкторско-технической деятельности Л. Н. Гобято, увенчавшейся созданием нового вида артиллерийского вооружения – миномёта. Любопытна служебная характеристика слушателя академии поручика Л. Н. Гобято: «Способности хорошие... впечатлительный... отзывчивый, мягкий, с большой сердечной добротой. Очень исполнительен и организован... Дисциплинирован хорошо, к начальству вежлив, почтителен и внимателен, обладает воинским тактом. Пользуется любовью товарищей. По службе очень исполнительен. Поведения прекрасного. К требованиям учебного заведения относится со строгою исполнительностью». Насыщенные теоретическими и практическими занятиями три года обучения для слушателя Леонида Гобято пролетели довольно быстро. В прошлом вдумчивый и знающий артиллерийский строевой офицер превратился в отличного, способного к самостоятельному поиску и

нестандартным решениям военного инженера. Ему не хватало только боевого опыта, но вскоре пришёл и он...

Торжества по случаю очередного выпуска из Михайловской артиллерийской академии состоялись 19 мая 1902 года в личном дворце шефа российской артиллерии великого князя Михаила Николаевича Романова, дяди царя Николая II. На них присутствовали 27 выпускников (23 русских и 4 болгарских офицера), командование и ведущие профессора академии, сановные гости. Был оглашён приказ об окончании этими выпускниками Михайловской артиллерийской академии, а также о досрочном производстве в очередной чин «за отличные успехи в науках» трёх самых лучших из них. Первым в счастливой тройке назван теперь уже штабс-капитан Леонид Николаевич Гобято. Обрадовало его и то, что для прохождения дальнейшей службы он был направлен в родную для него лейб-гвардии Первую артиллерийскую бригаду. Однако его почётная служба в гвардии и мирная жизнь в столице продлились недолго -- 26 января 1904 года «вероломным пиратским нападением японского флота на корабли русской 1-й Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре и Чемульпо» и высадкой японских войск началась русско-японская война.

Русско-японская война

Война, вопреки первоначальным предположениям, складывалась для нас неудачно. Главная причина этого была такая: к началу войны вооружённые силы Японии превосходили русские силы на Дальнем Востоке в людях более чем в 3 раза, в артиллерии -- почти в 8 раз, по пулемётам -- в 18 раз, по количеству кораблей -- в 1,3 раза. Военные возможности России серьёзно снижали огромная отдалённость и слабое оборудование Дальневосточного театра военных действий, а также недостаточная пропускная способность единственной, ещё недостроенной Сибирской железной дороги. Наш Тихоокеанский флот отставал от японского по артиллерийскому вооружению, боевым качествам боеприпасов и приборам управления стрельбой. Строительство его главной базы -- Порт-Артура не было ещё завершено, она была слабо укреплена с суши. Словом, Россия войны с Японией не хотела и к войне не готовилась.

Движимый высокими патриотическими чувствами и глубоким осознанием своего воинского долга, блестящий гвардейский офицер Леонид Николаевич Гобято подал рапорт о переводе его в действующую армию. Командование удовлетворило эту просьбу. Одновременно ему было поручено сопроводить в Порт-Артур эшелон с боеприпасами. В конце апреля 1904 года приказом командующего артиллерией русской Квантунской армии генерала В. Ф. Белого он был назначен старшим офицером 3-й батареи 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Она состояла из 8 батарей по 8 орудий в каждой. Была вооружена новейшими полевыми 76-мм пушками образца 1902 года, являвшимися тогда одними из лучших в мире.

27 апреля 1904 года доставили в Порт-Артур последний транспорт со снарядами. Через два дня японцы прервали сообщение с Порт-Артуром извне. Капитан Гобято пережил все тяготы обороны блокированной крепости. Именно здесь впервые была организована в боевых условиях стрельба артиллерии со скрытых позиций. В результате небольшому гарнизону крепости удавалось сдерживать десятки тысяч хорошо вооружённых японцев. Своё боевое крещение капитан Л. Н. Гобято получил в начале мая 1904 года в боях на подступах к Порт-Артуру. Обороняющиеся русские части насчитывали здесь 17 тыс. человек с 54 полевыми и 77 устаревшими крепостными орудиями. Наступающие японцы -- свыше 35 тыс. человек и 216 пушек. Обе стороны дрались с крайним ожесточением и полным напряжением всех сил.

Л. Н. Гобято: «Против люнета 4-й роты шло около полка. Часть наступающих японцев добежала до фугасов, два фугаса взорвались, человек двадцать японцев были выброшены вверх шагов на двадцать. По окопу прошёл гул удовлетворения. Цепи повернули назад, но шедшие сзади офицеры и солдаты шашками и штыками заставили их опять идти в атаку. Около двух рот добежало до двухрядного проволочного заграждения. Японские офицеры стали рубить проволоку шашками, а солдаты рвать её штыками, но через заграждение им перейти не удалось -- многие повисли на проволоке и кольях и ни один не вернулся назад. Стрельбу вели не торопясь, стреляли на выбор. А когда дошедшие до проволоки были перебиты, то русские солдаты, перескочив заграждение по трупам японцев, бросились в штыки на оставшуюся часть полка противника. Разгром неприятеля был полный».

Сам капитан Гобято в боях на Цзяньчжоусском перешейке показал себя храбрым и отважным офицером, находчивым и распорядительным командиром. Он был дважды ранен, но остался в строю. И лишь после третьего ранения вынужденно согласился на отправку в госпиталь. Тогда же он прославился как искусный мастер меткого и сокрушающего огня. В фундаментальном труде «Отечественная артиллерия» говорится: «В этих боях искусно действовала 3-я батарея капитана Л. Н. Гобято, занявшая закрытую огневую позицию у деревни Лиудятунь. Гобято впервые в боевой обстановке применил стрельбу с закрытой огневой позиции при помощи угломера. Результаты обстрела оказались весьма эффективными. Японская батарея на горе Самсон была подавлена сосредоточенным огнём, при этом 3-я батарея потерь не имела».

Сестра

К уже воевавшему брату Николаю и отправившемуся на фронт Леониду решила присоединиться и Наталья Гобято. За содействием она обратилась к жившему в Таганроге влиятельному дяде Михаилу Константиновичу Гобято. Следует отметить, что помощь женщин своим воюющим мужьям и братьям была на Руси обычным делом. Всегда отмечалось их активное участие в героической обороне городов Рязани, Пронска, Переяславля-Рязанского от ордынцев и польско-литовских интервентов. С появлением массовой регулярной армии они всё чаще участвуют и в её наступательных действиях. При этом скоро выяснилось, что в решении некоторых важных задач, например, медико-санитарного характера, женщины, без преувеличения, оказались незаменимы. Многие из них вписали свои имена в военную летопись нашего Отечества.

С ужасом и восторгом одновременно читала Наталья Гобято воспоминания участников русско-турецкой войны 1877-1878 годов о поистине героической деятельности сестёр милосердия, в основном, принадлежавших, как Ольга Николаевна Скобелева, к высшим кругам и патриотически настроенной интеллигенции. Например, в ожесточенных боях на Шипке было «огромное количество раненых и больных, при этом всего 4 сестры приходилось на 3000 раненых. Медикаментов, перевязочных материалов не хватало. Сестры рвали на бинты свои платья, бельё, отдавали сапоги, оставаясь босыми, пищу, не жалели ничего для выздоровления больных и раненых. Не может оставить равнодушным, например, поступок сестры милосердия Лебедевой, которая добровольно позволила вырезать у себя 18 кусочков кожи для заживления ран генерала Комарова».

И Наталья Гобято страстно хотелось попасть в действующую армию, чтобы облегчать страдания раненых соотечественников и помогать их выздоровлению. Однако судьба распорядилась иначе. Из Морозовых - Борков пришло тревожное письмо от старшей сестры Александры, в котором сообщалось, что стало заметно ухудшаться здоровье родителей и за ними требуется постоянный уход. Повинуясь семейному долгу, Наталья покинула Петербург и вернулась в отчий дом, где вместе с другими родственниками, с нетерпением ожидая весточки от воюющих братьев, внимательно следила за событиями войны.

Порт-Артур

Штурм Порт-Аргура начался 6 августа и длился неделю. Понеся тяжёлые потери, противник перешёл к обороне. В осаждённом Порт-Артуре капитан Гобято возглавлял артиллерийскую мастерскую, роль которой в условиях полной блокады неизмеримо возросла. Ведь артиллерийские части перестали пополняться новой материальной частью из арсеналов, и все надежды возлагались на возвращение в строй реставрированных или отремонтированных орудий. И умельцы артиллерийской мастерской делали для этого всё возможное. Одновременно Леонид Николаевич занимался разработкой нового вида оружия. Тогда в условиях позиционной борьбы с взаимным сближением сторон возникла острая необходимость в орудиях ближнего боя, способных мощными снарядами с навесной траекторией поражать противника в траншеях и за укрытиями, поскольку обычные артиллерийские системы, включая мортиры, этого не обеспечивали. «Идея была подана лейтенантом Е. Подгурским, который предложил использовать морские мины для стрельбы с помощью морских метательных аппаратов. Идея нового типа орудия – миномёта была разработана группой офицеров во главе с Л. Н. Гобято. По предложению мичмана С. Н. Власьева, для метания сконструированных надкалиберных шестовых мин использовались стволы 47-мм морских орудий, установленных на колёсный лафет. В августе 1904 года в артиллерийской мастерской Порт-Аргура были изготовлены первые образцы орудий... для метания шестовых мин».

Так на поле боя впервые появился новый вид артиллерийского вооружения – миномёт, который стал успешно использоваться защитниками Порт-Аргура. Например, во время отражения третьего штурма крепости, начавшегося 17 октября 1904 года, выпускаемые ими мины большой разрушительной силы мешали японцам проводить подземно-минные работы. Так, 9 ноября по вражеским минным галереям в районе горы Высокой было произведено шесть выстрелов минами системы Л. Н. Гобято. Их взрывы оказались настолько впечатляющими, что японцы, покинув подземные ходы, в панике бежали.

Датой официального рождения миномёта принято считать 9 ноября 1904 года, когда изобретение капитана Гобято сыграло решающую роль при отражении японского штурма. Пять дней и ночей безотказно работал первый в мире миномёт, сводя на нет замыслы врага. Эффективность нового оружия была налицо. Взлетая высоко вверх, мина переворачивалась и почти вертикально падала на цель, разрушая траншеи и уничтожая противника. Взрывы были настолько сильными, что вражеские солдаты в панике покидали свои места в окопах. Возможно, именно это изобретение не давало Японии в течение 8 месяцев овладеть твердыней Порт-Аргура. Мужество и сила духа русских солдат давали возможность продолжать оборону крепости, но из-за медлительности и трусости командования Порт-Артур был сдан. Осада Порт-Аргура завершилась сокрушительным для России поражением. 27 тысяч русских воинов погибли в русско-японской войне.

Вечная им память!

Орден Святого Георгия

За заслуги при обороне Порт-Аргура Леонид Николаевич Гобято был награждён 5 орденами (среди которых и орден св. Георгия 4-й степени) и золотым Георгиевским оружием. Получая орден святого Георгия Победоносца 4-й степени и Георгиевское оружие 23 декабря 1907 года, Л. Н. Гобято сказал: «Эту честь я отношу ко всем товарищам, сражавшимся бок о бок вместе со мною. Этой чести достоин каждый из тех 27 тысяч, что остались лежать в земле Квантуна и Аргура».

После русско-японской войны

После окончания японской кампании подполковник Л. Н. Гобято ушёл в долгосрочный отпуск и поселился в имении родителей в Морозовых - Борках. Преодолев временную депрессию, вызванную неудачным исходом войны и разразившейся в стране смутой, охватившей и Рязанскую землю, он взялся за перо. И вскоре в «Артиллерийском журнале» (№ 8 за 1906 год) появилась его статья о новом виде оборонительно-наступательного оружия – миномёте. В следующем году вышла его книга «Боевые принципы и нормы полевой артиллерии». Особенно результативным в творческом плане и службе выдался 1908 год. Он стал одним из руководителей Офицерской артиллерийской школы и артиллерийского полигона. На 1908-1909 учебный год его пригласили вести курс тактики артиллерии в Академии Генерального Штаба. Тогда же увидела свет его книга «Свойство огня и боевая служба артиллерийского дивизиона» – фактически учебник и практическое пособие под одной обложкой. Словом, служба и творческая работа сложились и протекали вполне благополучно – в отличие от личной жизни.

Трагедии и радости личной жизни

В 1907 году скончалась тяжело болевшая мать Ольга Всеволодовна и безвременно умерла шестнадцатилетняя сестрёнка Софья. В 1910 году почил разбитый параличом отец Николай Константинович. На следующий год стала жертвой эпидемии тифа всеобщая любимица Наташа, так и не успевшая обзавестись собственной семьей. Удивительно долго был холостяком и Леонид Николаевич. И только обворожительной Олимпиаде – дочери профессора Петербургского университета Сергея Павловича фон Глазенапа – удалось растопить и покорить сердце полковника Гобято. В соответствии с существовавшими тогда правилами он обратился с рапортом к начальнику Николаевской Академии Генерального Штаба. Его приказ гласил: «Прикомандированному к вверенной мне академии полковнику Леониду Николаевичу Гобято – православного вероисповедания, 38 лет от роду, холостому, разрешено вступить в первый законный брак с дочерью действительного статского советника фон Глазенапа, девицею Олимпиадой Сергеевной, православного вероисповедания, родившейся 9 мая 1892 года, если к этому браку не встретится препятствий со стороны духовного ведомства».

Таковых не последовало – и 3 февраля 1914 года в Александро-Невской церкви при Михайловской артиллерийской академии прошёл торжественный обряд бракосочетания. Как и положено, полковник Леонид Николаевич Гобято был в полной парадной форме со всеми наградами: орденами св. Георгия 4-й степени, св. Анны 2-й степени с мечами, св. Владимира 4-й степени, св. Анны и св. Станислава 3-й степени с мечами и бантами, серебряным крестом за оборону Порт-Артура, серебряной медалью «В память русско-японской войны» и другими знаками отличия. Медовый месяц счастливые молодожёны провели в Таганроге – у дяди Михаила Константиновича. А после окончания учебного года в Николаевской Академии Генерального штаба, получив, как её преподаватель, очередной отпуск с 12 мая по 25 августа 1914 года, Леонид Николаевич вместе с супругой приехал на отдых в Морозовы - Борки. Тут и застала их мировая война ...

Первая мировая

Они приезжают в Морозовы-Борки в мае, а 17 июля была объявлена всеобщая мобилизация. Сразу же после объявления царского манифеста о всеобщей мобилизации, не дожидаясь официального уведомления из Сапожковского уездного воинского присутствия, полковник Л. Н. Гобято, утешая и успокаивая беременную жену, засобирался в дорогу. Узнав об отъезде Леонида Николаевича, к дому собралось много народу. Люди обступили крыльцо, заполнили аллею. В парадной форме полковника, с золотым Георгиевским оружием, всеми боевыми наградами на груди, он подходил к каждому, прощался. Обойдя всех, поднялся на

крыльцо, долго смотрел на собравшихся. Послышались всхлипывания женщин, мужчины хмуρο смотрели вниз. Сняв фуражку, он низко поклонился народу.

Перед отъездом из Морозовых- Борков Леонид Николаевич заявил в волостном правлении, что поддерживает организуемый в селе общественный лазарет для раненых и содержание всех четырнадцати его коек берёт на себя до конца войны. Организация и управление лазаретом были возложены на управляющего именем Гобято, участника русско-японской войны Фёдора Максимовича Брысина, человека честного и рассудительного.

На железнодорожной станции Вёрда, где чета Гобято села на проходящий пассажирский поезд, толпились мобилизованные запасники, следовавшие на сборные пункты.

Буквально с первых дней Галицийского наступления русская полевая артиллерия практически не выходила из боя, естественно, дивизион Л. Н. Гобято тоже. Так талантливый артиллерийский офицер стал превращаться в общевойскового командира, обнаружив при этом незаурядные качества хорошего военачальника. И высочайшим указом от 31 августа 1914 года за отличия, оказанные в боях против австро-венгров, Леонид Николаевич Гобято был произведён в чин генерал-майора.

Перемышь

В тылу остался блокированный город-крепость Перемышь. Это первоклассная крепость Европы на реке Сан со 130-тысячным гарнизоном – сильнее Плевны и Порт – Артура. Первый штурм Перемышля 22-24 сентября закончился для русских войск неудачей. Перемышь сдался только 9 марта 1915 года. 120 тысяч человек сдались в плен, приведя с собой 900 орудий.

К этому времени в молодой семье Гобято появилась на свет дочь Наташа, но Олимпиада Сергеевна все-таки нашла возможность на несколько дней приехать к мужу в Перемышь. Она приехала во второй половине апреля, а 2 мая германские войска прорвали фронт 10-го корпуса. Начался Галицийский прорыв. Молодая жена Гобято уехала и более она не увидит мужа живым.

Он командовал обороной Перемышля на юго-западе от города, пережив пять дней непрерывного артиллерийского огня. Но генералу Л. Н. Гобято и его воинам надо было держаться -- во чтобы то ни стало. Необходимо было дать возможность русским частям оторваться от противника и занять новые укрепленные позиции. Поэтому оборонялись по-старинному: уцелевшие пушки выкатывались на «картечь», с прорвавшимися вражескими солдатами сходились врукопашную...

Как это было всегда, Леонид Николаевич находился на самих ответственных и потому самых опасных участках боя. Своим присутствием, выдержкой и умелым командованием он не раз выправлял, казалось бы, безвыходное положение. Особенно тяжёлым выдался день 19 мая. Оборвалась полевая телефонная связь с подразделениями, защищавшими свои позиция у селения Нанкло – ключевого участка юго-западного сектора обороны Перемышля. Презрев смертельную опасность, Леонид Николаевич вскочил на коня и помчался туда. И поспел в самое время: почерневшие от порохового дыма и грязи, отстреливаясь последними патронами, русские пехотинцы отползали со своих позиций. Мгновенно оценив обстановку, Гобято выхватил из ножен украшенную Георгиевским темляком наградную пашку с надписью «За храбрость» и, вылетев впереди солдатской цепи, выкрикнул известные каждому русскому воину слова боевого призыва «За Веру, Царя и Отечество!» В страшном грохоте боя лишь самые ближние услышали его, но своего отважного генерала, бесстрашно подставившего себя под вражьи пули, увидели все. И солдаты, ошестившись знаменитыми русскими трехгранными штыками, с криками «Ура!» ринулись вслед за ним. Не выдержав рукопашной схватки, враг бежал. Но в последние минуты этой страшной схватки случилось непоправимое: Леонид Николаевич

Гобято был смертельно ранен в живот. Через сутки, в ночь на 21 мая 1915 года, он скончался. И было ему всего 40 лет.

Память

Генерал Гобято умер в ночь на 21 мая 1915 года. Указом императора Николая II Леонид Николаевич Гобято был посмертно произведен в чин генерал-лейтенанта и награжден орденом Святого Станислава I степени с мечами. Тело героя везли в Рязанскую губернию в вагоне, цинковый гроб был установлен на лафет. Его сопровождали Всеволод Николаевич Гобято, бригадный адъютант поручик Кучкель, денщик Степан Арсенюк и ординарец Илья Гончаров. Траурный вагон встречал военный гарнизон Рязка, на станции Вёрда его ждали взвод кавалерии Моршанского сборного пункта, представители Сараевского и Сапожковского уездов и борковчане. Из близких были Николай, Степан, Борис, сёстры, а Олимпиада Сергеевна сидела в коляске: ноги не держали. Все 30 вёрст пути от станции Вёрда до Морозовых - Борков траурную процессию провожали жители окрестных сёл. Далеко за Борками, в поле, односельчане ждали своего помещика. Сняли гроб с Орудийного лафета и понесли на плечах.

В Морозовых-Борках ученый и изобретатель, герой двух войн Георгиевский кавалер генерал-лейтенант Леонид Николаевич Гобято был с почестями похоронен рядом с отцом, матерью, сестрами. В 1918 году рядом с ним похоронят умершего от ран, полученных в Русско-японскую и Первую мировую войны, капитана первого ранга Николая Николаевича Гобято – старшего брата нашего героя.

...В полевой записной книжке генерала Гобято имеются такие слова: **«Каждый человек должен принести дань Отечеству; одни отдают ему свой талант, другие свой труд; одни отдают свои бессонные ночи, другие – свою кровь».**

Сам Леонид Николаевич Гобято отдал горячо любимому им Отечеству – России всё, включая самое дорогое – свою жизнь.

В 1989 году на могиле героя установлен памятник по инициативе морозовоборковского краеведа Н. В. Старова и главного организатора всего комплекса З. П. Талалаевой. Архитектором памятника является А. В. Буслаков, скульптор Б. Горбунов.
***** А можно было бы увековечить каждого из этой прекрасной семьи, славно послужившей России и избравшей Морозовы - Борки своей второй родиной! Они этого достойны, несомненно!**

Братья и сестры

Для детей мелкопоместного служилого дворянства пореформенной России многообещающей возможностью выйти в люди являлось получение хорошего образования. Начиналось оно с ранних лет, когда закладывались характеры будущих воинов, педагогов, деятелей науки и культуры, чиновников и др. Будучи высокообразованными людьми, владея несколькими иностранными языками, Ольга Всеволодовна и Николай Константинович не жалели ни времени, ни сил на занятия с детьми, передавая им свои обширные знания и жизненный опыт. Такое систематическое и разностороннее домашнее образование, органически сочетавшееся с высоконравственным православным воспитанием, приносило благодатные плоды: их дети, с малых лет приученные к систематическому и прилежному труду, преуспевали и в гимназии, и в вузах. В этом стремлении обеспечить будущее своих чад Ольге Всеволодовне помогали её влиятельные родственники, включая отца, хотя и не простившего самовольство дочери, но в данном деле проявлявшего благоразумие, особенно в отношении внуков. Так, с их содействием были устроены в Смольный институт Александра и Наталья Гобято. Программа обучения в нём у сестёр была практически одинаковая, но их профессиональные

интересы оказались разными. Обладавшая хорошими музыкальными способностями Александра упорно развивала их, часами упражняясь в игре на фортепьяно. После окончания института она уехала во Францию совершенствовать своё музыкально-педагогическое образование.

А вот Наталья, ещё обучаясь в Смольном, твёрдо решила стать врачом. Это сейчас в России большинство врачей и практически весь средний медперсонал – женщины. Но в ту пору это намерение семнадцатилетней девицы воспринималось как экстравагантное. Однако родители поддержали Наталью – и она после выпуска из Смольного поступила в Петербургский женский медицинский институт, успешно его окончила и стала врачом-окулистом. Нужда же в таких специалистах была велика: глаукома и катаракта, например, и ныне входят в число самых распространённых, грозящих слепотой глазных болезней. По своему желанию выбрали дорогу в жизни и братья Гобято.

Борис пошёл по стопам отца. Он успешно окончил юридический факультет Московского университета. Затем в соответствии с законом о всеобщей воинской повинности его призвали на срочную службу в армии, которую он проходил в 35-й артиллерийской бригаде, дислоцировавшейся в Рязани (в районе современной улицы Каширина). Тогда артиллерия, помимо военно-морского флота, являлась одним из самых интеллектуальных родов войск – и высокообразованных нижних чинов встречали в ней, что называется, с распростёртыми объятиями. После завершения срочной службы Борис Гобято, как имевший высшее образование и прошедший военную подготовку, был произведён в офицеры, став прапорщиком запаса. Впоследствии он служил следователем в правоохранительных учреждениях.

Рижский политехнический институт окончил Степан Гобято. Он удачно подвизался на земской службе. Занимал должность земского начальника, имел чин коллежского секретаря, по Табелю о рангах равный армейскому штабс-капитану.

Но гораздо выше их поднялись по служебной лестнице Николай и Леонид Гобято.

Николай, будучи ещё гимназистом, увлёкся точными науками и морем. Как и многие жители Таганрога, семья Гобято имела свою лодку. И он под парусом и на вёслах избороздил досягаемую акваторию Азовского моря, чувствуя себя на воде весьма уверенно и комфортно. С годами тяга к морю окрепла. Поэтому после окончания физико-математического факультета Московского университета для прохождения срочной службы он попросился на Балтийский флот. Как и следовало ожидать, его определили в самую сложную боевую часть корабля – артиллерию. Довольно скоро в знании её устройства, эксплуатации и боевого применения он стал на равных с кадровыми офицерами – выпускниками Морского кадетского корпуса. Военно-морская служба Николаю Гобято пришлась по душе и он решил посвятить ей всю свою жизнь. Идя навстречу его желанию, командование направило новоиспеченного мичмана на учёбу в Офицерскую артиллерийскую школу (нечто вроде Высших академических курсов в Советских Вооружённых Силах). После её окончания он стал высококвалифицированным корабельным артиллеристом – весьма авторитетным в глазах сослуживцев.

Николай Гобято любил море и подолгу бывал в дальних походах. Так, под командованием капитана II ранга графа Толстого на крейсере «Джигит» он совершил длившееся четыреста дней заграничное плавание. Во время китайской кампании (1900-1901 гг.), находясь на крейсере «Москва», участвовал во взятии китайской крепости Шанхайгуань, за что получил свою первую боевую награду – серебряную медаль, носившуюся на комбинированной Андреевско-Владимирской ленте. На лицевой стороне её помещён вензель императора Николая II, на оборотной – вертикально стоящий якорь и скрещённые винтовки и пашка, над ними дата: «1900-1901». Начало нового XX века морской офицер Николай Гобято встретил младшим артиллерийским начальником только что спущенного на воду броненосного крейсера I ранга «Громобой». В 1901 году «Громобой» с целью усиления военно-морских сил России в Азиатско-Тихоокеанском регионе был переброшен на Дальний Восток и вошёл в состав Владивостокского отряда крейсеров, которым

командовал талантливый военный моряк контр-адмирал К.П. Иессен. Тогда в Корейском проливе эскадра новейших японских кораблей, построенных и вооружённых лучшими западными фирмами, подстерегла крейсера «Рюрик», «Россия» и «Громобой».

Японцы предвкушали лёгкую и скорую победу: ведь по мощи своего артиллерийского огня они в начале боя превосходили российские корабли в 20 раз! В чрезмерно тяжелом и упорном пятичасовом маневренном бою (какого ещё не знала история парового броненосного флота), который ярко изображён писателем В. С. Пикулем в романе «Крейсера», российские моряки ещё раз подтвердили глубокую мудрость древнего изречения: воюют не числом, а умением. А уж этого им было не занимать. Например, в критический момент сражения на «Громобое» были подбиты два 152-мм орудия. Невзирая на смертельную опасность и будучи раненым, проявив высокий профессионализм и флотскую смекалку, с помощью матросов быстро ввёл их в строй младший артиллерийский офицер корабля лейтенант Николай Гобято. Он получил ещё несколько ран, но своего боевого поста не оставил и до конца выполнил свой воинский долг. Лейтенант Николай Гобято за мужество и образцовое исполнение служебных обязанностей в бою к имевшемуся у него ордену Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом добавил орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. За исключением ордена Святого Георгия 4-й степени, это была самая высокая награда, которую он мог получить в своём обер-офицерском чине. После окончания японской кампании Николай Гобято совершил на «Громобое» обратный переход на Балтику, где продолжил морскую службу. Некоторое время он был старшим офицером крейсера, затем сам командовал различными кораблями. Последним стал эсминец «Послушный». Ослабевшее здоровье вынудило его расстаться с морской стихией. Началась береговая служба – в должности «наблюдающего по артиллерии» на строящихся линейных кораблях.

След на земле

Недолго прожил род Гобято на Рязанской земле, но сумел оставить после себя добрый след. Глубоко интеллигентные люди, Ольга Всеволодовна и Николай Константинович Гобято вырастили и воспитали детей, оставшихся не только в памяти знавших их людей, но, как Леонид и Николай, вписавших свои имена в боевую летопись Отечества. Чрезвычайно показателен в этом отношении такой отрывок из родительского письма сыну Борису, после окончания Московского университета проходившему срочную службу канониром в 35-й артиллерийской бригаде в Рязани: «Учение и труд – вот лучшая награда, которую дарует природа человеку за его короткое появление на земле. Этим бескорыстным даром природы надо умело пользоваться и благодарить за него... Этот чудный дар выше всех званий и сословий, ибо истинное счастье человека – в познании им окружающего». Будучи влиятельным членом Сапожковской земской управы, Николай Константинович Гобято сделал немало доброго и полезного для жителей Морозовых - Борков. Так, он устроил в селе почтовое отделение. Как попечитель местной школы, настойчиво привлекал к работе в ней лучших учителей. Лично участвуя в переводных и выпускных экзаменах, он выявлял самых способных учеников и потом помогал им продолжить образование за казенный счёт. По инициативе Николая Константиновича была построена грунтовая дорога, связавшая Морозовы - Борки, Собчаково, Можары и другие крупные сёла юго-восточной части Сапожковского уезда с железнодорожной станцией Вёрда. Ныне заасфальтированная и обустроенная, эта дорога и сейчас играет важную роль в социально-экономической жизни прилегающих к ней селений.

До обидного мало прожила одна из первых на Рязанской земле женщина-врач Наталья Гобято. И всё же она успела совершить свой гражданский и врачебный подвиг. После переезда в 1905 году в Морозовы - Борки она открыла медпункт в имении родителей, наследницей которого потом стала, и принялась лечить крестьян из окрестных сёл и деревень. Фактически она в одиночку, не жалея времени и сил, не щадя себя, сражалась с разразившимися в округе эпидемиями сыпняка и брюшного тифа.

Приехавшая вместе с Натальей дальняя родственница Ольга Николаевна Якубовская с тревогой писала братьям в Петербург: «Да уймите хоть вы её... День и ночь среди больных. Еле на ногах держится. Сама, того ж гляди, свалится». К несчастью, её опасения вскоре оправдались: Наталья Николаевна заразилась от больных сама – и горько оплакиваемая безутешными родственниками и спасёнными ею пациентами, ушла из жизни, в мужестве и верности долгу встав вровень со своими братьями-воинами. Не на много пережил родителей и младших сестёр Леонид Николаевич Гобято, ещё при жизни удостоившийся чести быть помещённым в русскую «Военную энциклопедию», в которой характеризуется как «выдающийся строевой офицер и военный писатель по артиллерийским вопросам, один из доблестных защитников Порт-Артура».

Несколько скромнее заслуги Николая Николаевича Гобято на военном поприще, но и он занял своё место в истории отечественного военно-морского флота.

К великому сожалению, на протяжении многих лет их имена и боевые заслуги замалчивались. Невероятно, но факт: выросли целые поколения морозовоборковцев, которые о них даже не слышали, не говоря уж о других членах семьи Гобято.

Ныне в селе Морозовы - Борки восстановлена некогда разорённая богоборцами Покровская церковь. Облагорожена территория находящегося при ней старинного кладбища. Положены надгробные плиты с именами похороненных тут членов семейства Гобято. Поставлен бронзовый памятник Георгиевскому кавалеру генерал-лейтенанту Леониду Николаевичу Гобято, и славное имя героя русско-японской и Первой мировой войн воссоединилось со светлыми именами 282 морозовоборковцев и 103 собчаковцев, отдавших жизнь за Родину во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.
ВЕЧНАЯ ИМ СЛАВА! ПОКЛОН, ПОЧЁТ И УВАЖЕНИЕ!

[История Рязанского края: За други своя](http://www.history-ryazan.ru/node/1275)